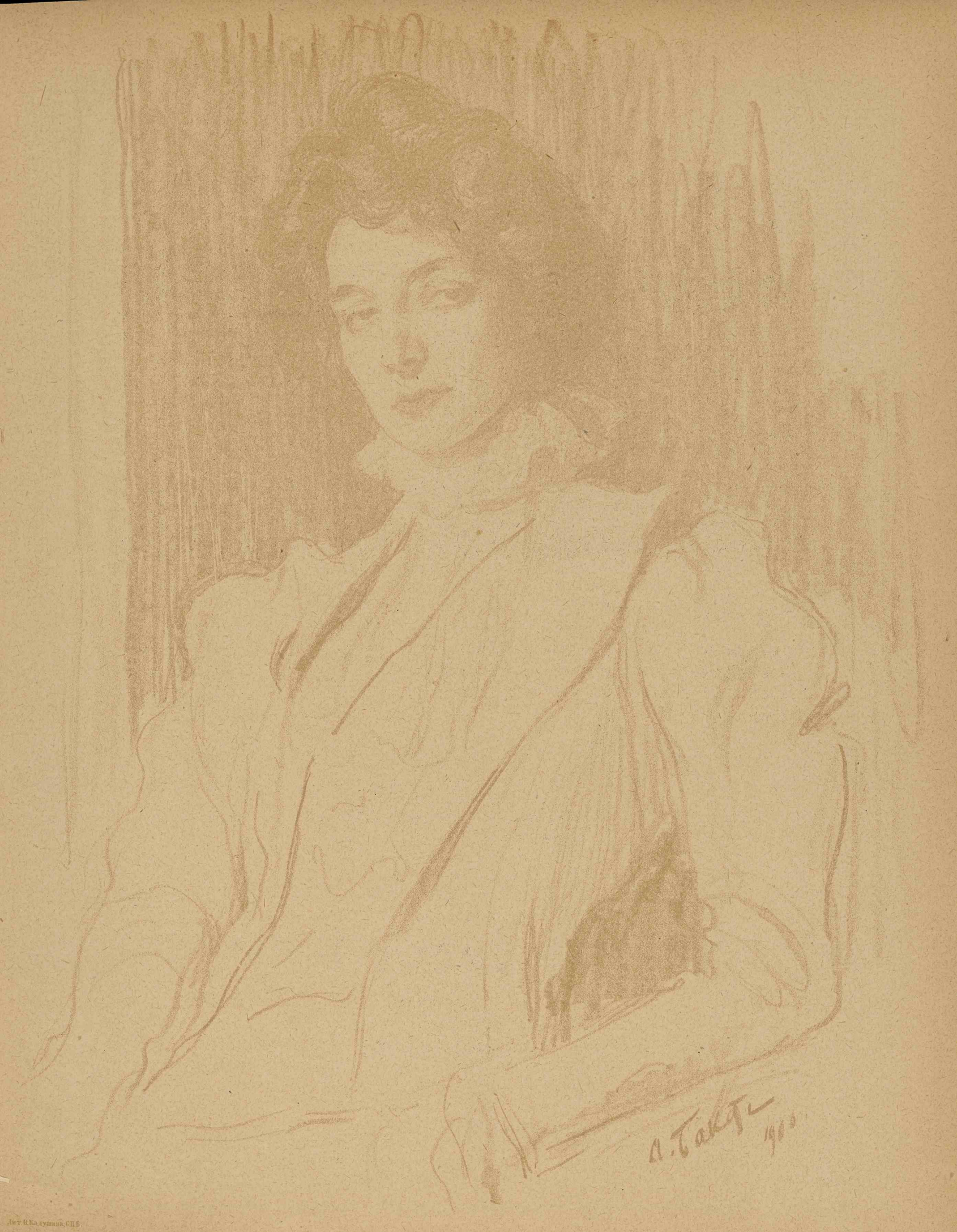


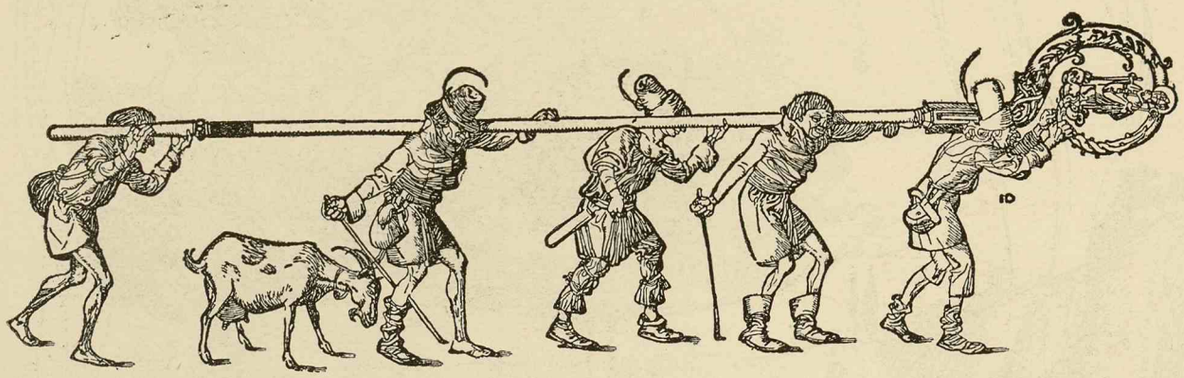
Лит. Ф. Калушина, СПБ.

II.

То-же относится и къ священникамъ. Что обнаруженіе своего краснорѣчія и остроумія является для нихъ огромнымъ искушеніемъ, — въ этомъ не усомнится никто, кто изучилъ собственное сердце; но они *знаютъ*, что это искушеніе; никому изъ нихъ не придетъ и въ голову, чтобы отъ нихъ требовалась одна только даровитость, и никто изъ нихъ не садится за письменный столъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ написать блестящую проповѣдь; даже самые пустые и тщеславные, и тѣ стараются прикрыть какъ-нибудь свое тщеславіе и придать тому, что дѣлаютъ, подобіе полезной цѣли. Къ слушателямъ своимъ они отнюдь не обратятся съ прямымъ вопросомъ: „какъ вамъ понравилась моя проповѣдь, не правда-ли, она была ловко сказана и поэтична?“

Они поймутъ очень скоро, что имъ и деньги платятъ вовсе не за то, чтобы они говорили ловко, и призваны они не къ этой

Ю. Диц.



цѣли, а къ тому, чтобы проповѣдовать истину; если у нихъ случайно есть остроуміе, краснорѣчіе или оригинальность, — все это обнаружится и принесетъ пользу въ свое время, но гнаться за этимъ и постоянно выставлять на-показъ — незачѣмъ, ибо если у нихъ и нѣтъ этихъ качествъ, то все-же можно быть хорошимъ пасторомъ и безъ нихъ.

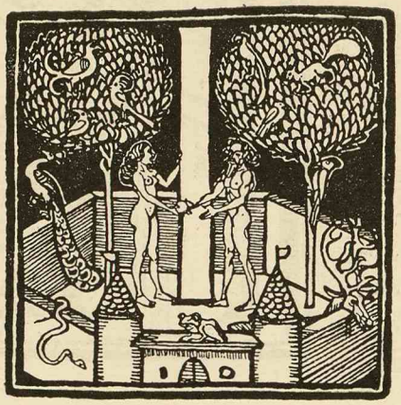
Ю. Диць. Рисунокъ для программы юбилея I. Гутенберга.

Другое дѣло—несчастный артистъ.

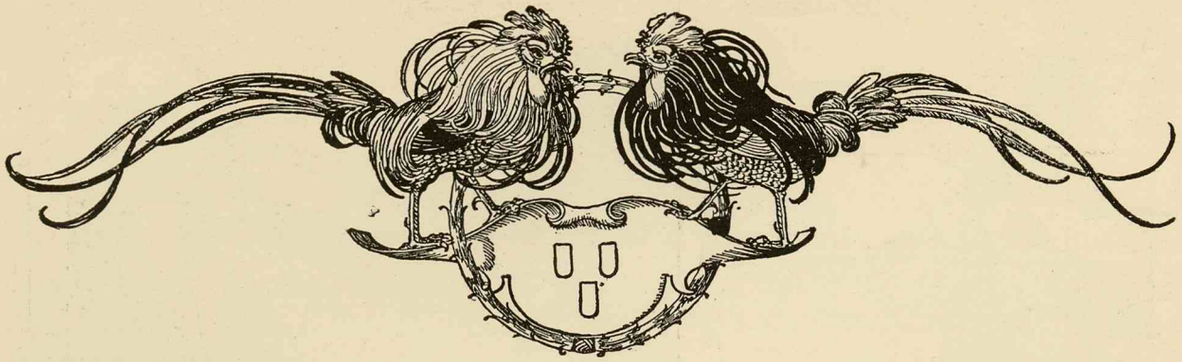
Никто не ожидаетъ отъ него честной и полезной работы, но всѣ ищутъ въ немъ талантливости. Оригинальность, проворство, изобрѣтательность, воображеніе, — отъ него требуется рѣшительно все, кромѣ того, что отъ него дѣйствительно зависитъ — кромѣ честнаго и основательнаго труда и добросовѣстнаго исполненія обязанности художника.

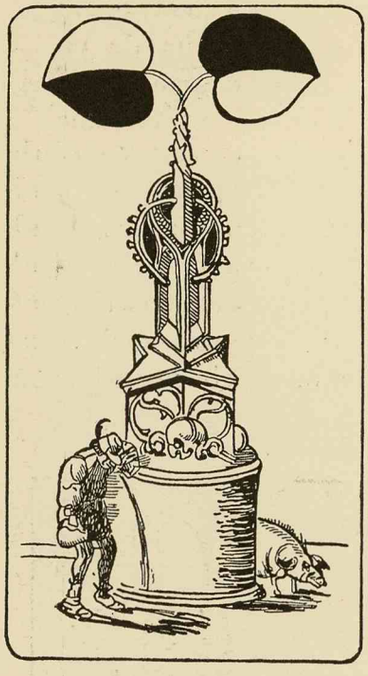
Какой обязанности? съ нѣкоторымъ удивленіемъ спроситъ читатель, и будетъ совершенно правъ, потому что многіе художники не только не имѣютъ, вѣроятно, никакого понятія о томъ, каковы ихъ

обязанности, но и не знаютъ даже, что онѣ у нихъ есть. А между тѣмъ, узнать это вовсе не такъ уже трудно. Способности, которыя человѣкъ находитъ въ себѣ, когда рѣшается статъ художникомъ, заключаются, какъ я думаю, въ интенсивности наблюденія и легкости подражанія. Человѣкъ рожденъ наблюдателемъ и подражателемъ, и обязанность его — сообщать другимъ людямъ познанія о такихъ вещахъ, которымъ можно научить только черезъ посредство зрѣнія. Долгое время обязанность эта оставалась религіозной: художникъ долженъ былъ запечатлѣвать въ умахъ толпы реальность предметовъ вѣры и истину разсказаннаго Писаніемъ, придавая тому и другому видимую форму. Но теперь эта функція его упразднена и не замѣнилась еще никакой другой. У художника нѣтъ ни профессіи, ни цѣли. Онъ праздно бродитъ по лицу земли, гоняясь за призраками собственныхъ фантазій.



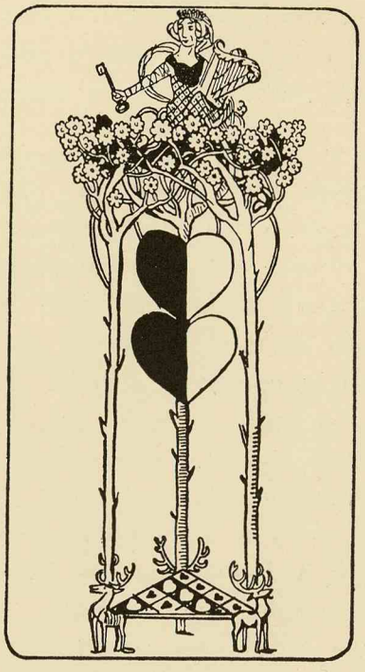
Ю. Диць.





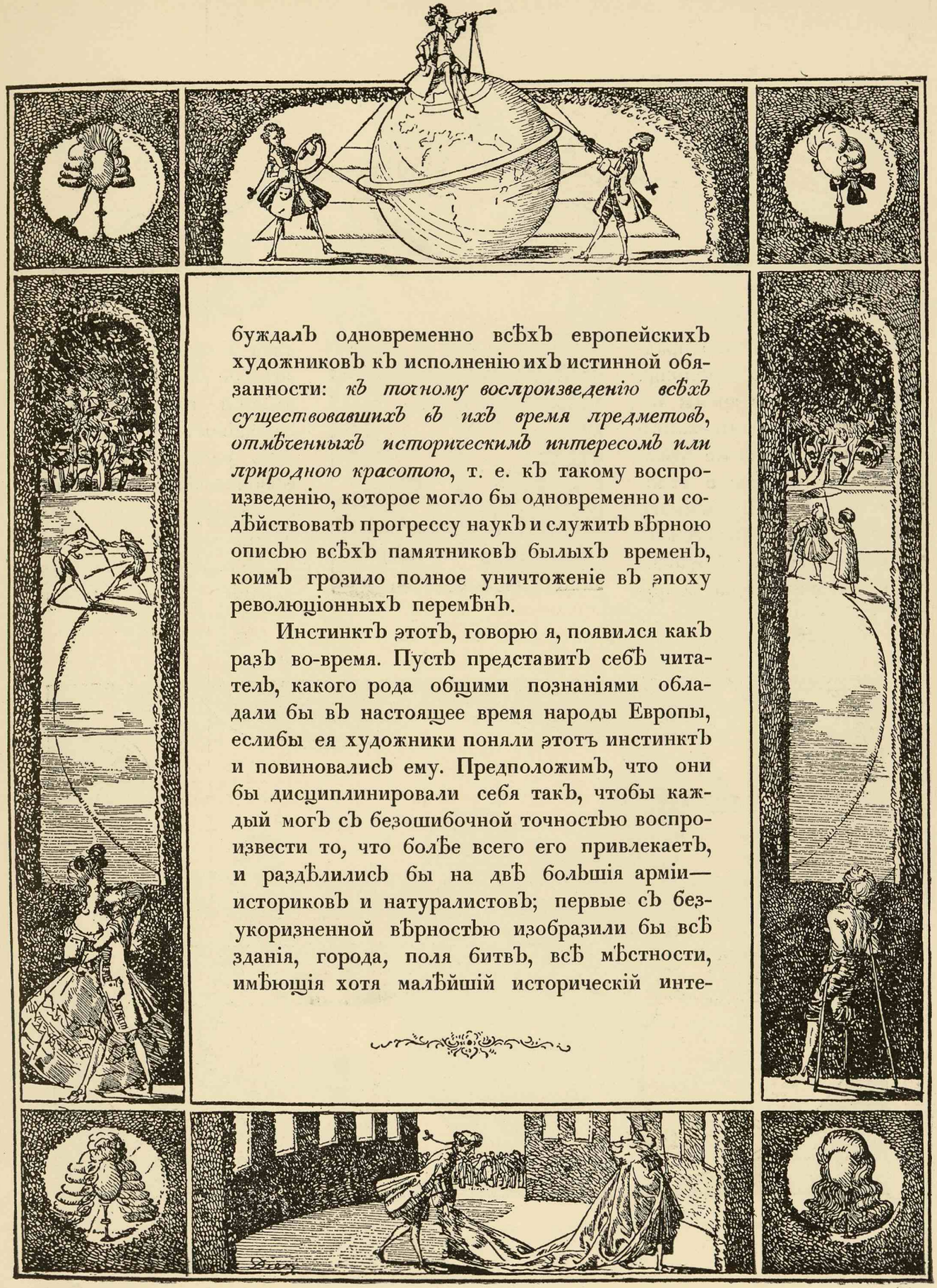
Ю. Диць. Игральныя карты.

Но назначеніе его совсѣмъ иное. Внезапный и повальный натурализмъ или склонность копировать обыкновенные, существующіе въ природѣ предметы, обнаружившаяся среди европейскихъ художниковъ какъ-разъ въ то время, когда изобрѣтеніе книгопечатанія упразднило ихъ легендарные труды, — не была инстинктомъ ложнымъ. Его понимали не вѣрно и примѣняли дурно, но онъ подоспѣлъ какъ-разъ во-время и удержался, несмотря на всевозможныя злоупотребленія. Современныя школы пейзажной живописи, можетъ быть, являются только первыми плодами его могучей силы. Инстинктъ этотъ по-



Ю. Диць. Игральныя карты.

Ю. Диць.

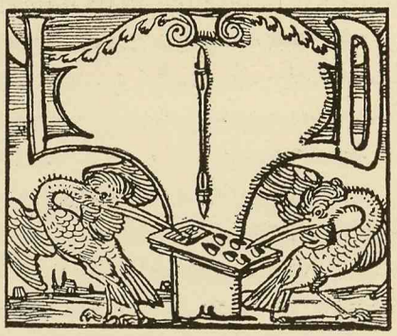


буждалъ одновременно всѣхъ европейскихъ художниковъ къ исполненію ихъ истинной обязанности: *къ точному воспроизведенію всѣхъ существовавшихъ въ ихъ время предметовъ, отмѣченныхъ историческимъ интересомъ или природною красотою*, т. е. къ такому воспроизведенію, которое могло бы одновременно и содѣйствовать прогрессу наукъ и служить вѣрною описью всѣхъ памятниковъ былыхъ временъ, коимъ грозило полное уничтоженіе въ эпоху революціонныхъ перемѣнъ.

Инстинктъ этотъ, говорю я, появился какъ разъ во-время. Пусть представитъ себѣ читатель, какого рода общими познаніями обладали бы въ настоящее время народы Европы, еслибы ея художники поняли этотъ инстинктъ и повиновались ему. Предположимъ, что они бы дисциплинировали себя такъ, чтобы каждый могъ съ безошибочной точностью воспроизвести то, что болѣе всего его привлекаетъ, и раздѣлились бы на двѣ большія арміи— историковъ и натуралистовъ; первые съ безукоризненной вѣрностью изобразили бы всѣ зданія, города, поля битвъ, всѣ мѣстности, имѣющія хотя малѣйшій историческій инте-

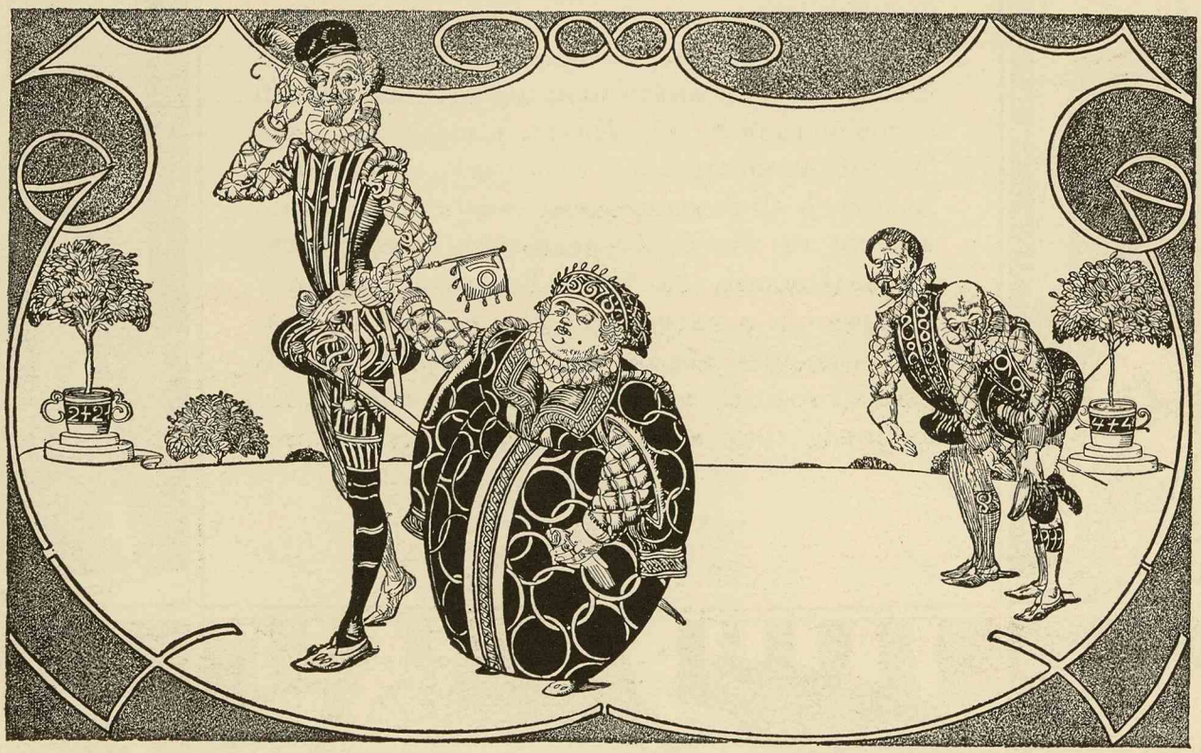
Ю. Дицъ.

ресъ, совершенно правпередавая то зрѣлище, ли въ данное время; тоственно личнымъ своимъ зили бы столь-же правныхъ, пейзажи и атмовсѣхъ странъ земного зеяхъ были бы вѣрныя всѣхъ зданій, разрушени нововведеніями за по-

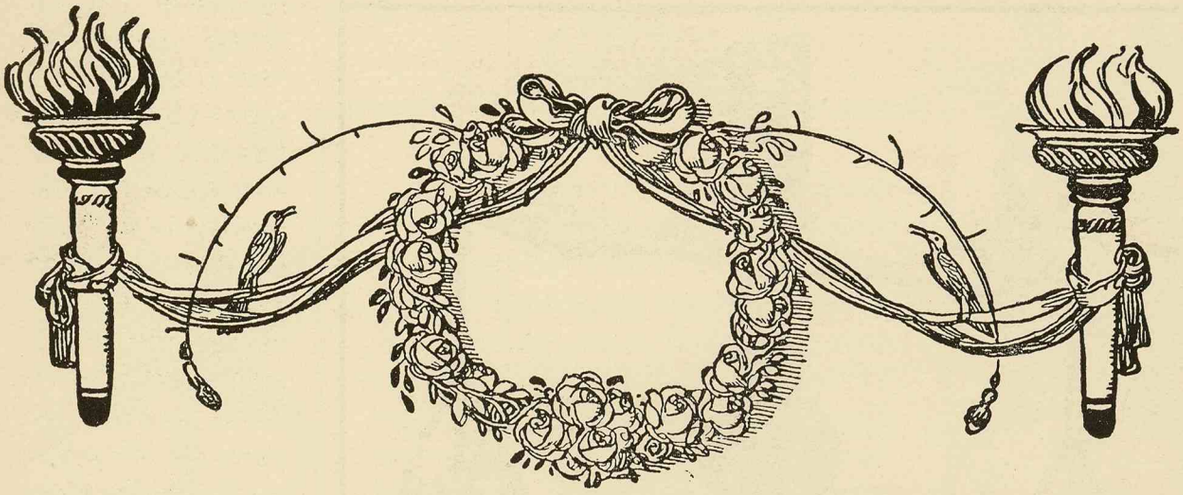


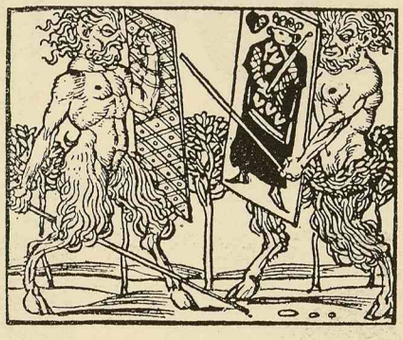
диво и во всей полнотѣ которое они представляварищи ихъ, соотвѣтспособностямъ, изобрадиво растенія и животсферическія явленія шара; въ нашихъ муи полныя изображенія ныхъ войною, временемъ слѣдніе 200 лѣтъ; мы

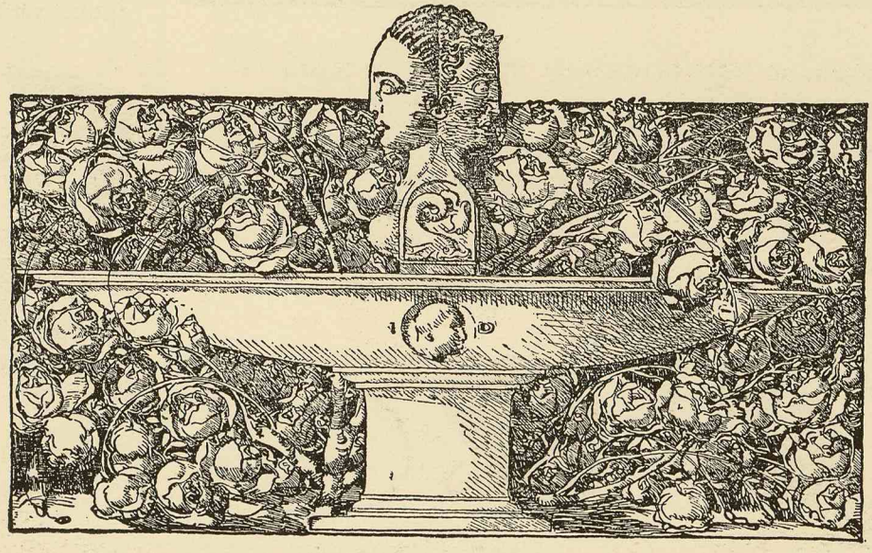
[1] *Ю. Дицъ.*



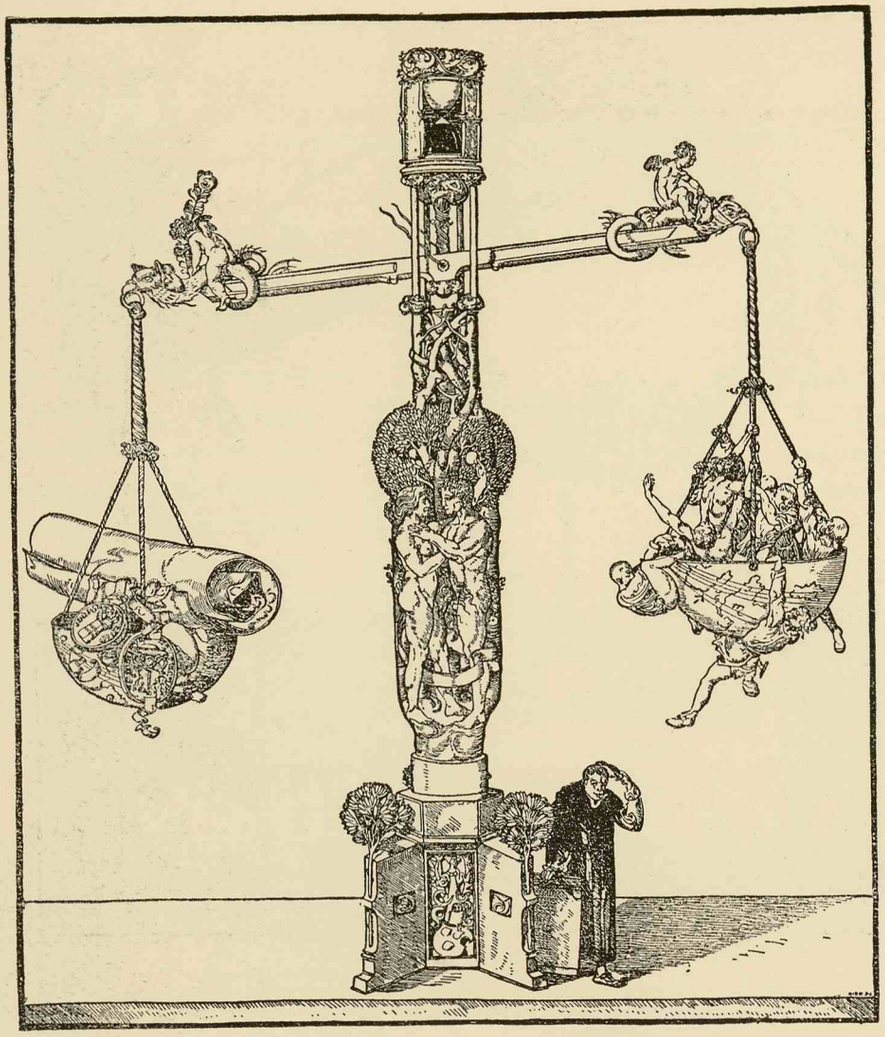
Ю. Дицъ. Иллюстрація къ поэмѣ „Коронація нуля“.



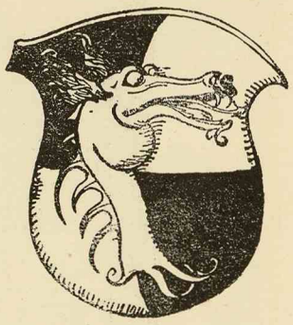


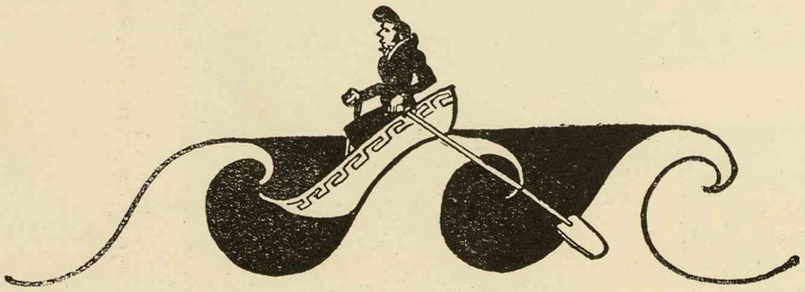


Ю. Дицъ.

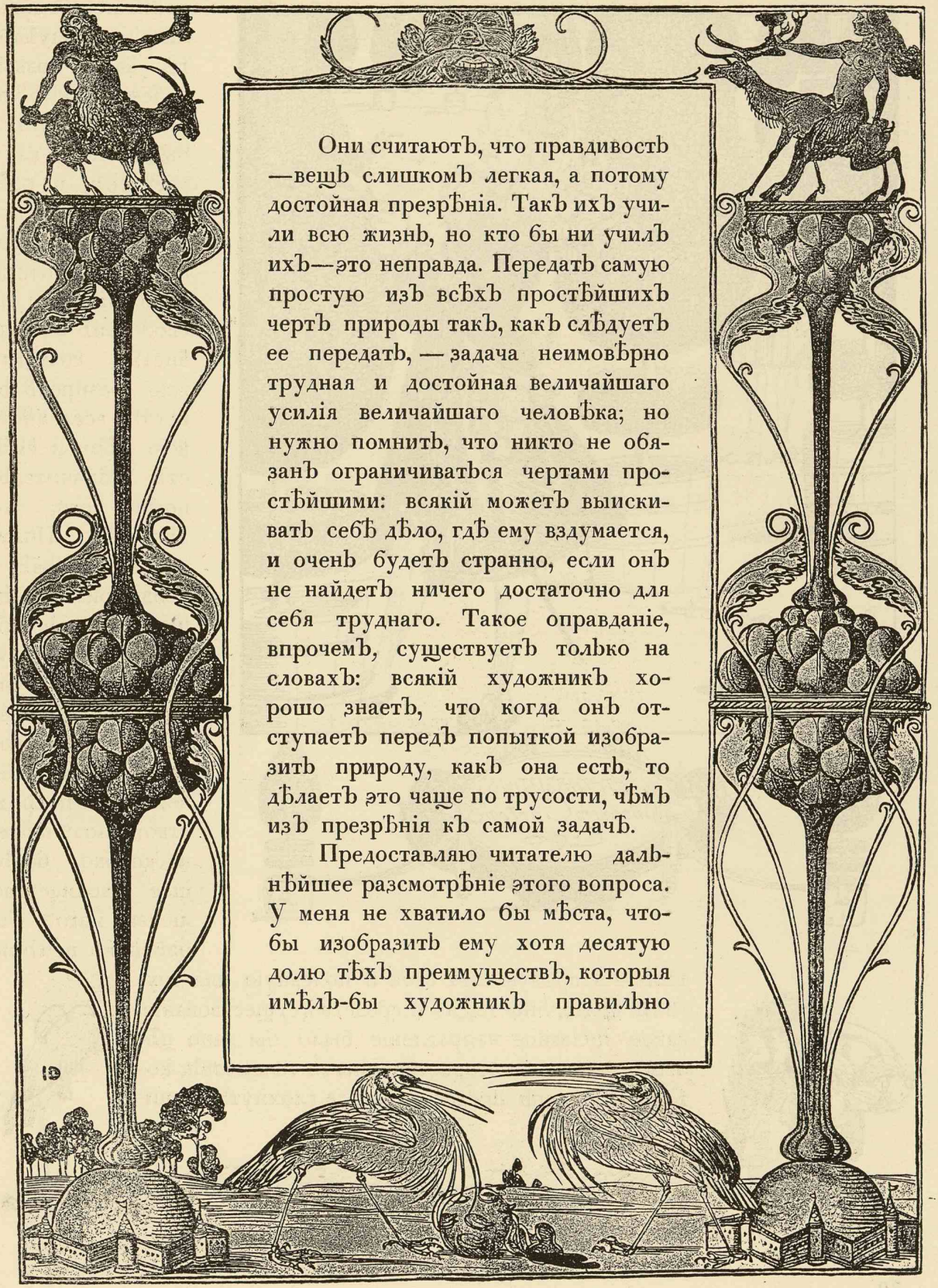


проникли бы въ самые сокровенные уголки всѣхъ горныхъ хребтовъ Европы и скалы ихъ были бы нарисованы съ точностью, которая сдѣлала бы уже безполезными всѣ діаграммы геологовъ; каждое дерево въ лѣсу было бы изображено въ самомъ прекрасномъ своемъ видѣ и каждое животное въ своей дикой жизни; все это было бы уже размѣщено въ нашихъ національныхъ галлереяхъ, и художники настоящаго времени трудились бы мирно и счастливо надъ умноженіемъ этихъ коллекцій и доставленіемъ прочимъ людямъ подобныхъ средствъ къ познанію; — неужели такая жизнь была бы для нихъ менѣе почетна, чѣмъ добываніе сомнительнаго хлѣба „поразительными эффектами“?





Ю. Диц.



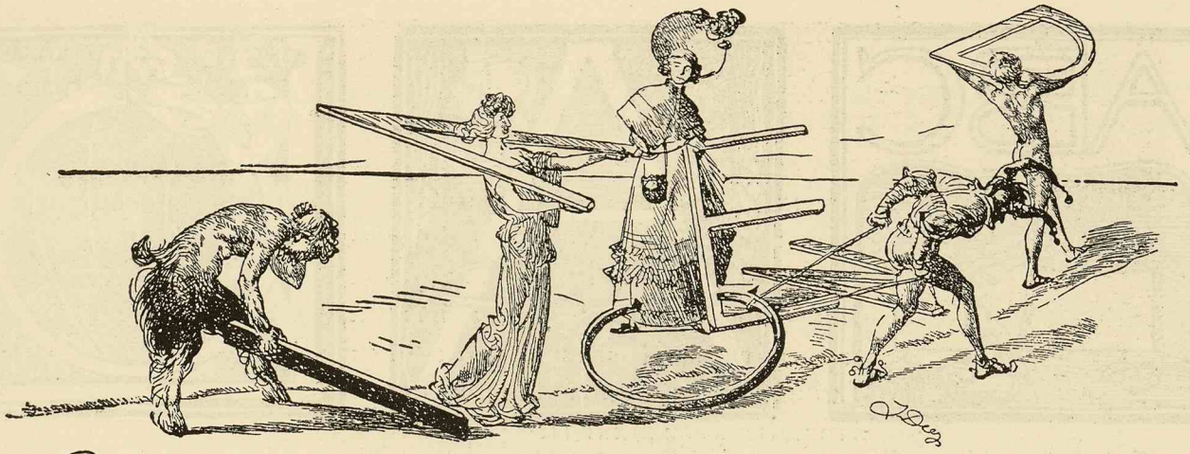
Они считаютъ, что правдивость —вещь слишкомъ легкая, а потому достойная презрѣнія. Такъ ихъ учили всю жизнь, но кто бы ни училъ ихъ—это неправда. Передать самую простую изъ всѣхъ простѣйшихъ чертъ природы такъ, какъ слѣдуетъ ее передать, — задача неимовѣрно трудная и достойная величайшаго усилія величайшаго человѣка; но нужно помнить, что никто не обязанъ ограничиваться чертами простѣйшими: всякій можетъ выискивать себѣ дѣло, гдѣ ему вздумается, и очень будетъ странно, если онъ не найдетъ ничего достаточно для себя труднаго. Такое оправданіе, впрочемъ, существуетъ только на словахъ: всякій художникъ хорошо знаетъ, что когда онъ отступаетъ передъ попыткой изобразить природу, какъ она есть, то дѣлаетъ это чаще по трусости, чѣмъ изъ презрѣнія къ самой задачѣ.

Предоставляю читателю дальнѣйшее разсмотрѣніе этого вопроса. У меня не хватило бы мѣста, чтобы изобразить ему хотя десятую долю тѣхъ преимуществъ, которыя имѣлъ-бы художникъ правильно

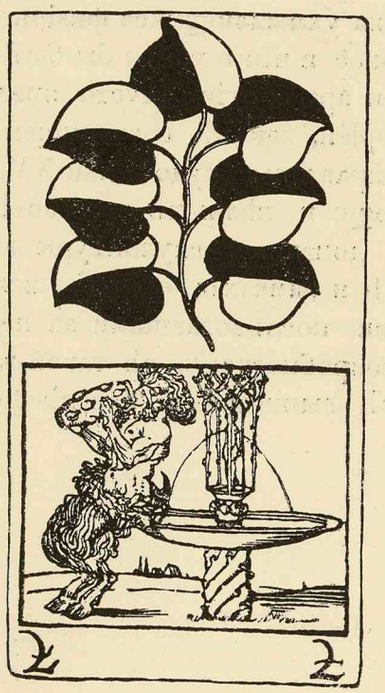
Ю. Дицъ.

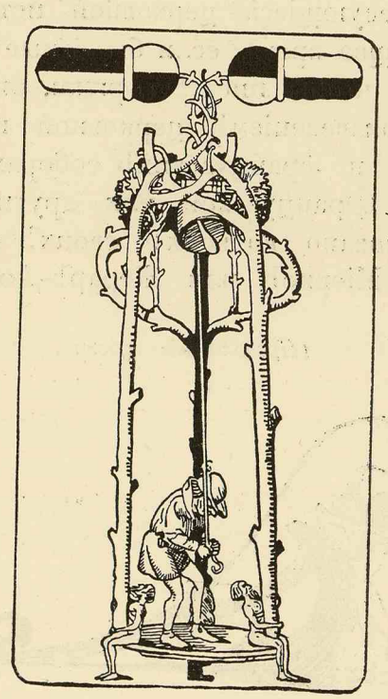
Ю. Диц.

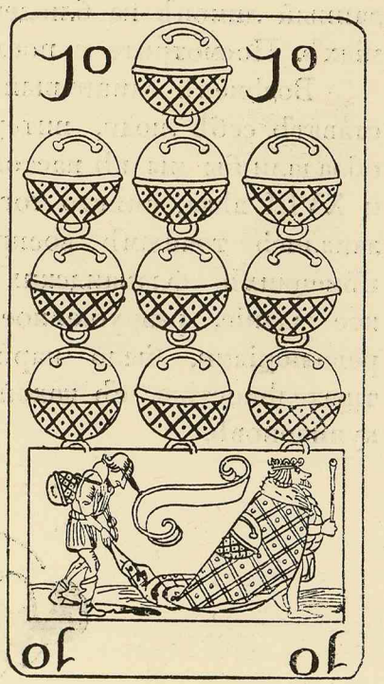
понимающій свою миссію. Подумайте, какъ возвысился бы самъ человѣкъ, какъ сталъ бы доволенъ, какъ усерденъ, и преисполненъ самыхъ точныхъ и высокихъ познаній, какъ онъ былъ бы свободенъ отъ зависти, сознавая всю безпредѣльность вселенной, всю цѣну и вмѣстѣ незначительность того, что дѣлаетъ. Подумайте о пользѣ, о неизмѣримо большемъ интересѣ къ самому искусству, о легкомъ, доступномъ и совершенномъ познаніи, которое давалось бы черезъ его посредство; подумайте, насколько большее количество людей могло бы найти въ немъ не только здоровую для себя и полезную для другихъ дѣятельность, но и средство существованія; какое полезное направленіе было бы дано цѣлымъ легіонамъ второстепенныхъ талантовъ, которымъ теперь предоставляется глохнуть въ ни-



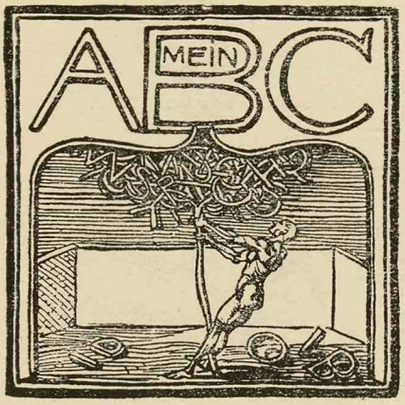
Ю. Диць.

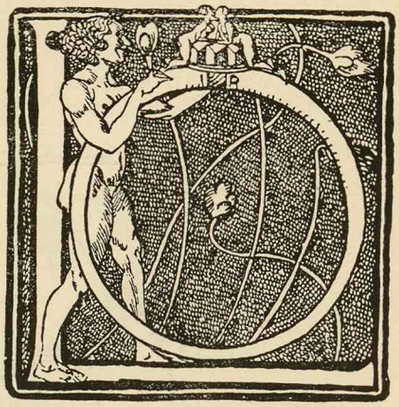




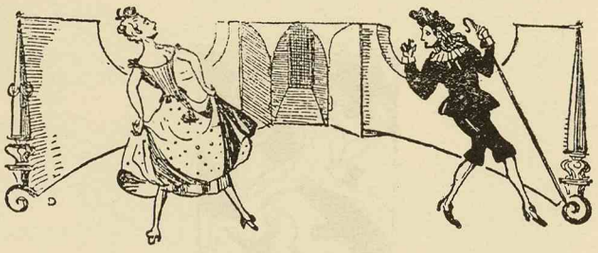


Ю. Диць. Игральныя карты.





щетѣ и несчастіи. Представьте себѣ все это, и оглянитесь на наши выставки, полюбуйтесь всѣми этими „вещицами“, всѣми этими морями, фруктами и семейными сценками. Вотъ вамъ вѣчныя бурыя коровы въ болотѣ, вотъ вамъ вѣчные бѣлые паруса въ бурю, вотъ нарѣзанный лимонъ на блюдечкѣ, вотъ дурацкія улыбки на ухмыляющихся физіономіяхъ. Посмотрите и постарайтесь понять, что мы такое и чѣмъ могли бы быть.



Возьмемъ единичный примѣръ изъ одной отрасли археологіи. Пусть представятъ себѣ люди, интересующіеся церковной исторіей, какимъ сокровищемъ обладали бы мы въ настоящее время, если бы самые правдивые художники XVII и XVIII вѣка, вмѣсто того чтобы писать горшки, овощи и пьяныхъ мужиковъ, занялись точнымъ воспроизведеніемъ церковной и домашней скульптуры въ нѣмецкихъ, фламандскихъ и французскихъ соборахъ и замкахъ; если бы всякое зданіе, разрушенное Французской или другими послѣдовавшими за ней революціями, было нарисовано во всѣхъ своихъ подробностяхъ, съ такой-же тщательностью, съ какой Міерисъ или Жераръ-Довъ выписывали барельефы купидоновъ.

(Продолженіе будетъ).

Ю. Дицъ.